

ГЛАВА 1

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

— Больше никто меня не ударит.

Я говорю уверенным, но настолько тихим голосом, что слова невозможно различить сквозь шум воды. Окровавленные губы с трудом разлипаются на каждом слогe. Дверь подпрыгивает на петлях, еле выдерживая напор кулаков мужа. Минуту назад его руки, с черным слоем грязи под ногтями, кружили возле моего лица и вместе с бранью обрушивались на голову. Обычно серые, но сейчас позеленевшие от слез глаза с упреком смотрят на меня из зеркала. Зачем? Ради чего я два года терпела издевательства? Почему позволяла себя унижать? Для чего подстраивалась под его настроение, старалась угодить, исполнить каждую прихоть? Этим не заслужить ни любви, ни уважения. Так можно потерять последнюю каплю достоинства.

— Дина, девочка моя, открой дверь,— раздается ласковый голос.— Я хочу сесть и спокойно все обсудить. Ты попросишь прощения, и мы забудем этот маленький инцидент. Мышонок, открой котику дверь.

Я зажмуриваюсь и до скрипа сжимаю зубы. На этот раз Олег меня не проведет — стоит открыть дверь, и он снова набросится с кулаками. Не дождавшись ответа, муж переходит на крик:

— Открывай, сука! Я не собираюсь из-за тебя ломать дверь в собственную ванную! Вкальваю с утра до ночи, а ты мне даже завтрак приготовить не можешь. Только и умеешь, что перед соседом-пидором юбкой трясти. Открой дверь и посмотри мне в глаза! Тварь, по-хорошему не понимаешь? Открывай!

Олег с новой силой колотит в дверь. Я зажмуриваюсь от каждого удара, сердце подпрыгивает так высоко, до горла, что начинается икота. Надо успокоиться. Бояться уже нечего, Олег умеет себя контролировать, и если говорит, что не собирается выбивать дверь, значит, я в безопасности.

— Вот оно, хорошее,— шепчу, задевая губами струю воды.— Все, что заслужила за два года преданности, рабского труда. Вот спасибо за еду,— смываю кровь со лба,— вот за чистое белье,— промокаю полотенцем рассеченную бровь.— Отдельная благодарность за воспитание чужого ребенка,— дотрагиваюсь до распухшей, похожей на желе, губы.— Даже твоей пятилетней дочери можно вытирать об меня ноги.

— Ты что там бормочешь? — Дверь подпрыгнула в последний раз.— Я ухожу. Вернусь с работы — чтобы ужин был на столе! Приготовь хоть раз что-нибудь приглядное, лахудра безрукая.

Входная дверь захлопывается. От облегчения льется новый поток слез. Остановить истерику не получается. Надо попытаться хотя бы ненадолго подавить рыдания и взять себя в руки. Умываю разгоряченное

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

лицо ледяной водой, полотенце впитывает колкие капли и остатки слез. Я с детства мирюсь с насилием, поэтому давно воспринимаю его как неотъемлемую часть жизни, но сегодня Олег пробил брешь в котле моего терпения. Хватит! В последний раз смотрю в зеркало, на заплаканное, с трясущимся подбородком отражение, и обещаю:

— Никто и никогда больше не посмеет меня унижить. Я не позволю прикоснуться ко мне даже пальцем.— В глазах зеркального двойника загорается непривычный, холодный огонь, я киваю отражению: — Пора!

Открываю дверь ванной, снаружи никого. Из кухни доносится чавканье. В дверном проеме показывается перемазанное пирогом лицо падчерицы. Бедная девочка, каждый день ей приходится выслушивать ругань, смотреть, как отец избивает мачеху. Не удивительно, что ребенок заедает стресс сладостями.

Сердце тянет к входной двери, но разум ведет на кухню. Ответственность всегда побеждала мои желания. Я привыкла доводить любое дело до конца. Прежде чем навсегда уйти из этого дома, я должна убрать и позаботиться о Кате.

— Доедай побыстрее.— Я сквозь слезы улыбаюсь Кате, убирая со стола грязную посуду.— Сейчас пойдем к бабушке.

— Я не хочу доедать! — Ее губы, облепленные крошками, искривляются в плаксивой гримасе.— Пирог не вкусный, ты не умеешь готовить.

— Тогда не ешь,— говорю я и включаю воду.— По дороге купим тебе печенья со злаками, в форме звездочек, и вкусное, и полезное. Хочешь, перед уходом почищу тебе яблочко?

Сзади опять раздаётся чавканье. Наверно, Катя все-таки решила доесть. Я поворачиваюсь, чтобы забрать последнюю грязную тарелку, и еле успеваю прикрыть глаза. Пережеванный пирог стекает по моему лицу, а из-за стола доносится смех.

— Думаешь, это смешно? — Вытираюсь полотенцем и подхожу к столу.

— Очень, — кивает Катя, глядя мне в глаза.

— Все, с меня хватит! Марш к себе в комнату!

— Не-а! Я хочу еще пирог, — Барабанит она ложкой по столу.

— Ты же сказала, он не вкусный.

— Давай невкусный пирог!

Отрезаю четверть пирога и наблюдаю, как Катя впихивает половину куска в рот.

— Не глотай целиком, сначала прожуй!

Ее глаза блаженно поднимаются к потолку, на лице появляется подобие улыбки, но, проглотив, она выдает:

— Невкусно!

— Наелась? Пошли одеваться.

Катя нехотя вылезает из-за стола и, вытирая рукавом перепачканный рот, плетется в свою комнату. Я вынимаю из шкафа ее любимую футболку с вишенками, каждый раз глядя на которые она непроизвольно облизывается. Достаю новые джинсы. Олегу нравится наряжать дочку, как ребенку — куклу. Он никогда не жалеет на это денег, но достать одежду Катиного размера почти невозможно, поэтому вещи приходится шить на заказ.

— Идем, я помогу тебе переодеться.

— Джинсы?! — отступает на шаг она. — Это для страшных, как ты, а я хочу быть красивой!

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

— Хорошо, выбирай сама,— вешаю одежду на место.

— Хочу вот это! — Катя указывает пухлым пальцем на розовое платье с кружевными крылышками, в котором она больше похожа на летающего бегемота, чем на фею.

— Катя, такие платья надевают только по праздникам, чтобы выглядеть по-особенному.

— Утром ты сама сказала, что сегодня праздник!

Утром была годовщина нашей с Олегом свадьбы, а к обеду начнется первый день моей свободы.

— На улице еще слишком холодно. Давай выберем что-нибудь теплое,— говорю я и вытаскиваю джинсовое платье с длинными рукавами.— Смотри, какое красивое! А какая у тебя к нему есть сумочка...

— Сама ходи в джинсовом, лахудра,— повторяет она любимое папочкино словцо.— Я хочу быть феей!

— Феей так феей,— снимаю с вешалки платье. Перед выходом уговорю ее накинуть на плечи кофточку.

Катя выдергивает платье из моих рук и отворачивается к зеркалу.

— Уйди, я сама.

Пусть повозится, а я пока обрадую свекровь. На нервах я закидываю джинсовое платье на антресоль и выхожу из спальни. В зале, возле столика с телефоном, стоит любимое кресло Олега, но мне не хочется в него садиться, поэтому я просто наклоняюсь к аппарату. Из-за короткого провода приходится стоять в полусогнутом положении. Набираю номер свекрови.

— Олежек, я тебя слушаю! — раздается громогласный, натренированный годами преподавательской работы голос свекрови.

— Ольга Семеновна, это Дина.

— Дина?! — переспрашивает свекровь с такой интонацией, будто услышала бранное слово.— Если хочешь пожаловаться — не старайся. Олег заходил ко мне перед работой и обо всем рассказал.

— Никогда не жаловалась и сейчас не собираюсь. Я звоню по делу.

— Какие у тебя могут быть дела? Сидишь дома, бездельничаешь. Огород запустила, соседи уже шепчутся. Бестолковая! Я Олега предупреждала: не связывайся с детдомовской! Надо выбирать среди лучшего, из чего попало конфетку не сделаешь. Но разве ему втолкуешь?

— Вы правы, человека не переделаешь. Наконец-то я это поняла.

— Гольтьба ты несчастная! Раз такого мужчину окрутила, изволь о нем заботиться. Дом забросила, ребенка не кормишь. Катенька в гости приходит, конфетку выпрашивает...

— Кстати, о гостях. Я сейчас ее к вам приведу.

— Что значит «приведу»? Да еще «сейчас»!

— Я уйду от вашего сына и подаю на развод,— чувствую, как в моем голосе пробиваются нотки гордости.

— Развод?! Может, ты еще и на раздел имущества подать решила?! Так знай, мой Олежек...

— Скоро буду.

Кладу трубку и делаю глубокий вдох. Вместе с душевным спокойствием ко мне возвращается уверенность. Я все делаю правильно. Мне от Олега ничего не нужно, сама справлюсь.

Крик из детской заглушает внутренний голос. Залетаю в комнату, где Катя сидит на полу в одних

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

трусах и обливается слезами. Без того большое платье в ее руках стало в два раза шире. Однажды я заикнулась Олегу, что девочка слишком много ест, и скоро на ней начнет лопаться одежда, но муж обозвал меня скупердяйкой и приказал давать ребенку все, что она попросит. Олег называет дочку красавицей, а я с ужасом представляю, что ей придется пережить, когда она пойдет в школу.

— Успокойся, зайка.— Подхожу к Кате и сажусь на пол возле нее.— Обещаю, я почию твое платье. Будет как новое, даже лучше. Пришью еще больше бисера к крылышкам. Хочешь, сделаю к нему волшебную палочку? Блестящую, из новогодней мишуры. А пока надень что-нибудь другое и...

— Ты?! Починишь?! — шмыгая носом и раздувая сопливые пузыри, кричит она.— Как ты его починешь? Ты же безрукая! Вот скажу папе, что это ты порвала мое платье, пусть он тебя отлупит!

Катя на секунду замирает, как будто собирается с мыслями, и смачно харкает мне в лицо. Слюна попадает в рассеченную бровь, по инерции я вытираю ее рукавом. От жгучей боли передергивает лицо, на глаза наворачиваются слезы. Горько плакать, когда некому пожалеть.

Я поднимаюсь на ноги. Не глядя, вытаскиваю из шкафа первое попавшееся платье.

— Одевайся, быстро!

Протягиваю его Кате. Впервые я повысила на падчерицу голос, но это не произвело на нее никакого впечатления. Вместо того чтобы взять вешалку с платьем, она встает, скрещивает на груди руки и, глядя мне в глаза, качает головой.

— Ты не можешь на меня кричать.

— Как видишь, могу.

— Папа говорит, что не можешь, потому что ты ублюдок!

От неожиданности я теряю дар речи. Глаза снова наполняются влагой. Минуту спустя поток возмущения все же прорывается через немоту.

— Как тебе не стыдно повторять такие слова?! Да, мои родители погибли. Но твоя мама тоже умерла. Получается, и тебя можно обозвать этим словом?

— Зато я не детдомовская шлюха!

Чувствую, как мои глаза округляются, а брови сами собой ползут вверх. Уголки Катиного рта медленно поднимаются при виде эмоций на моем лице. Стереть бы довольную ухмылку с ее физиономии, а заодно отмыть с мылом рот от похабных слов. Раздражение, накопившееся за последние два года, вырывается наружу. Я замахиваюсь и шлепаю падчерицу по щеке. Она покачивается и с грохотом валится на пол. Ладонь покалывает, в ушах, словно сирена, стоит Катин вопль.

Задев стены и мебель, я выбегаю на улицу. Рот непроизвольно открывается, ловит свежий воздух. В глазах проясняется. Катин вопль заглушает рык. Опускаю взгляд и вижу возле ноги собачью морду. На фоне черной глянцевой шерсти сверкают белые, покрытые слюной клыки. Пес рычит, передними лапами подгребая землю, но, как ни старается, не может растянуть цепь и достать меня.

— Что, псина, хочешь меня добить? — наклоняюсь к собачьей морде. — Тогда дотянись!

Пес рывком подпрыгивает, зубы клацают возле моего лица. В нос ударяет зловоние пасти. С первого

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

дня в этом доме я боялась выходить во двор. Знала, что пес на привязи, но чувствовала его злобный взгляд и опасалась, вдруг ненависть окажется сильнее цепи. Не буду испытывать судьбу и сейчас. Выбора, куда бежать, передо мной не стоит. В мире есть только один человек, которому я не безразлична, — моя единственная подруга Ира. Я бы не выжила в детдоме без ее поддержки. Пусть это прозвучит жестоко, но детям, никогда не знавшим родительской любви, проще примириться с казенным безразличием. Мне же, ребенку из заботливой, любящей семьи, внимание и ласка были нужнее еды и кровя.

Мой папа, кардиолог, сам долгие годы страдал от болезни сердца. В день аварии мы гостили у тетки, маминой сестры. Недавно отцу сделали операцию. Он чувствовал себя хорошо. Когда мы возвращались домой, на улице шел дождь. Папа вел машину, мама спала, а я выглядывала с заднего сиденья через ее плечо. Мамина голова, наклонившись набок, закрыла мне обзор, а когда я снова увидела дорогу, в глаза ударил яркий свет. Фары отразились в луже и ослепили меня. Эта вспышка — последнее, что я помню.

Назавтра я услышала, как врач сказал моей тетке, что новое сердце хорошо прижилось, и только оно позволило папе прожить еще четыре часа после аварии. Никто не мог объяснить, что произошло в машине, а мне и не нужны были разъяснения. Я знала главное: родителей больше нет, у меня болит рука, а в мире не осталось ни одного близкого человека, готового меня пожалеть. У тетки три сына, взять четвертого ребенка она не могла или не хотела, поэтому из больницы меня отправили в детский дом. В первые же сутки из

нормального ребенка я превратилась в забитое, перепуганное существо. Белокурые локоны, которые мама каждое утро расчесывала и заплетала в косы, остригли так коротко, что на затылке просвечивала кожа. Дети в палате встретили не новую девочку, а набор вещей, которыми можно пожить. У меня не осталось ничего, что бы напоминало о прошлой, домашней, жизни. Но самое унижительное было еще впереди.

В первую ночь старшие девочки разбудили меня и сказали: чтобы стать своей, я должна пройти испытание. Каждому ребенку на ужин полагался кусок ветчины, но мы съели пустую гречку, а воспитательницы припрятали ветчину для себя. Меня отправили на кухню, восстанавливать справедливость. На трясущихся ногах я пробралась к холодильнику и застыла на месте. Не припомню, чтобы родители говорили мне, что воровать плохо. Наверно, это было заложено в генах — специальный код со словом «нельзя». Я попыталась к выходу, край халата зацепился за рукоятку сковороды, посуда загремела и повалилась на пол. Следившие за мной девочки разбежались, а я, боясь пошевелиться, застыла на месте.

Дежурная воспитательница сначала по-хорошему, а затем и по-плохому старалась выпытать, кто отправил меня воровать. Я сжимала зубы и пригибалась, а воспитательница со свистом размахивала над моей головой сковородкой. Удар оловянным ребром в висок научил меня, что уворачиваться бесполезно. Перед тем как потерять сознание, я заметила в дверном проеме одну из старших девочек. Это была Ира. В ее расширенных от ужаса глазах стояли слезы, но взгляд был полон уважения.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

Я очнулась в кладовке, полной консервов. Прозрачные банки дразнили маринованными помидорами и малосольными огурцами, а холод сильнее нагонял аппетит. Меня выпустили только следующей ночью. В палате я легла на кровать, закуталась в одеяло и сжала челюсти, чтобы стук зубов не разбудил всех вокруг. В животе урчало от голода. Кто-то коснулся моего бока. Я повернулась и увидела, что Ира протягивает мне кусок зажаренного на утюге хлеба. Я вгрызлась в сухарь, словно вцепилась зубами в жизнь. Аромат деликатеса перебивал запах дуста от кровати. Я ела хлеб, подставив ладонь, чтобы не потерять ни единой крошки, и сквозь слезы представляла, что ужинаю дома, за круглым кухонным столом, а рядом, подливая папе чай, весело напевает мама. Тогда я поняла: физическая боль — мелочь по сравнению с одиночеством. Но в темноте я увидела улыбку друга. Значит, все образуется, я не останусь одна.

Воспоминания помогают успокоиться. Расстояние от дома до заводского общежития я преодолеваю за считанные минуты. Знакомый подъезд приветствует надписью на мусоропроводе: «Здесь живет Тоня», лифт встречает уже раскрытой кабиной. Нажимаю кнопку с цифрой «восемь» и безуспешно пытаюсь закрыть дверь изнутри. Открытый лифт ползет вверх, а я отступаю на шаг вглубь. Хорошо хоть работает. На весь коридор разносится песенка Жанны Фриске. Слой поролона под кожзаменителем приглушает стук в дверь, а звонок не работал еще шесть лет назад, когда я переехала к Ире в эту малосемейку.

— Ты уходишь по-английски... — напевая, распахивает дверь Ира. — Динка!

Она открывает руки мне навстречу и тут же опускает их при виде моего лица.

— Кто тебя так разукрасил?!

— Кто, кто,— отодвигаю подругу и захожу внутрь.— Паук в пальто.

— Вот сука! — перекрикивает она голос Фриске.— Говорила я тебе, бросай своего Паукова, пока голова цела. А ты: мой Олежек такой, мой Олежек сякой...

— Ир, выруби шарманку, без нее тошно.

Покачивая бедрами в такт, она идет на кухню. Блестящее в лучах весеннего солнца платье обтягивает женственную фигуру. Соблазнительно выгибаясь, Ира наклоняется к розетке, тройник с искрами выскальзывает из оголенного электрического разъема. Раздается последний вздох холодильника, и в комнате наступает оглушительная тишина.

Смотрю на подругу и думаю, как бы я хотела быть такой же. Темные волнистые волосы, карамельно-карие глаза, аппетитные изгибы — все выдает в ней женщину нежную и соблазнительную. Почему Бог не наградил меня округлостями, а вместо этого подарил лишние полметра роста? Кажется, подует ветер и сломает меня пополам. Да еще из-за темно-серых глаз лицо кажется болезненно бледным. Как бы я хотела иметь такие же мягкие, кокетливо вьющиеся волосы вместо своих белесых стручков, торчащих до плеч, словно спицы. Что, если бы загар золотил мою кожу так же, как ее плечи? Может, тогда жизнь сложилась бы иначе? Нет, Ирина судьба тоже не бисквитное пирожное, а у моих неудач есть причина куда серьезнее бледной внешности.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

— Ир, примешь меня обратно?

Опускаюсь на кряхтящий табурет. Локти упираются в потрескавшийся пластик столешницы. Этот стол-старик делал комнатку то кухней, то столовой. За ним готовили к празднику, его раскладывали, чтобы усадить гостей, а когда наступала пора расходиться по домам, убирали посуду и складывали стол, чтобы гости спокойно, без страха испачкаться или разбить тарелку, могли выйти из крошечной пародии на столовую.

— Только если я мешаю, так и скажи!

— Не придумывай! — садится напротив Ира. — Ты что, совсем от своего решила уйти?

— Совсем.

— Правильно, давно пора. А чемоданы где?

— Все там осталось: вещи, мобильный, документы.

— Не страшно, завтра вместе сходим и заберем.

— Ноги моей там больше не будет. Паспорт можно и по почте отправить, а больше мне от него ничего не нужно.

— Башмакова, развод разводом, а вещички надо забрать. Где ж ты денег возьмешь, чтобы заново одеться? У меня есть кое-что в заначке, но завод со дня на день закроется, из общаги всех выселят. Куда пойдём? Чудо, что меня отсюда не выгнали еще в прошлом году, когда я уволилась.

— Ой, Ира, — всхлипываю я и от бессилия роняю голову на стол. — Что теперь будет? У меня даже работы нет.

— Дура ты, Динка. Говорила тебе — не увольняйся. Сидела бы в библиотеке, листала книжечки, горя бы сейчас не знала. Надо было с самого начала слушать меня, а не Паукова.

— Он так красиво нашу будущую жизнь расписывал,— отрываю щеку от пластика.— Умолял с работы уйти, чтобы семейный очаг поддерживать. Обещал закупить красивых вещей, одеть, как принцессу, сказочную жизнь устроить.

— Ты сказочная идиотка, Башмак! Рабыню он из тебя сделал, а не принцессу. Семейный очаг, как же... Дочку не с кем было оставить, маман ему плешь проела, вот тебе и весь очаг. Бесплатная домработница ему была нужна, а не жена.

— Ир, а может, я сама виновата? Поначалу он такой хороший был, все делал, как обещал: давал деньги на продукты, покупал одежду...

— Что толку от одежды, когда он тебя из дома не выпускал? Даже ко мне приходил запретил, не говорю уже... Кстати, за что он тебя побил?

— С соседом поговорила.

— С голубоглазым блондинчиком? — оживляется Ира.— Ну и что он от тебя хотел? Клеился?

— На что ему клеиться? — пожимаю я плечами.— Так, про цветы в палисаднике спрашивал, про синяки на шее...

— Про синяки?! Он случайно не мент?

— Нет, у него свой бизнес. Мотосервис, что-то вроде того.

— Ага, значит, про бизнес рассказать успел!

— Да навязался вчера на мою голову, остановил возле калитки, а тут, как назло, Олег с работы раньше вернулся.

— Что ж твой ненаглядный только сегодня опомнился?

— Не хотел показывать ревность, а придрататься было не к чему. Я ему вчера ужин из пяти блюд при-

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

готовила, весь день возле плиты простояла, а сегодня утром, видите ли, пирог вместо овсянки не устроил. Сначала, как обычно, бил кулаками, потом схватил, эту, сервировочную лопатку. Первый раз набросился на меня с оружием. Я чуть с ума не сошла от страха, еле успела спрятаться в ванной. А он, пока колотил в дверь, проговорился, мол, это тебе за соседа-пидора.

— Сам он пидор, жену так дубасить... Не переживай, Башмакова. На каждого человека-паука найдет-ся человек-башмак!

— Черт с ним. Сама, дура, терпела, старалась семью сохранить. Дотерпелась! Сегодня лопатка, а завтра что, нож?

Ира покачала головой. Кто, если не она, поймет, до чего тошно, когда остаешься совсем одна?

— Как мне дальше жить?

— Динка, ты трудолюбивая. Вон как на своего козла горбатилась. Найдешь работу.

— Кто меня возьмет? В справке об инвалидности черным по белому тебе: нетрудоспособна в обычных производственных условиях. Если бы не рука!

— Я слышала, инвалидам пенсии увеличили. Может, проживешь?

— У кого была большая, тем и увеличили. А у меня третья группа, знаешь, какие это копейки?

— Бред! Вон, у хозяйки ларька, в котором я работаю, палец на ноге гноится. Так ей вторую группу дали! А у тебя правая рука нерабочая, и третью...

— Я левша.

— У тебя нет ларька,— вздыхает Ира и на минуту замолкает.— Может, ты и права, к черту вещи, пусть подавится. Начнешь жизнь сначала, забудешь Олега,

вместе с его домом, мамашей-командиром и дочкой-жирдяйкой, как страшный сон.

— Ир, я же совсем забыла! — подпрыгиваю на стуле.— Катя осталась дома одна!

— Подумаешь! Ничего с твоей Катькой не будет, разве от страха похудеет на пару килограммов.

— Ир, я же ее ударила,— снова опускаюсь головой на стол, прижимаюсь лбом к холодному пластику.— Когда Олег на меня налетел, я спряталась в ванной. Дождалась, пока он уйдет на работу, а потом вышла и стала Катю к бабушке собирать. Она, как обычно, закапризничала, свекровь по телефону на меня наорала, а я не выдержала, ударила Катю по щеке и убежала. Даже входную дверь не заперла.

— Пстой! Ты свекрови звонила?

— Да, сказала, что приведу к ней внучку.

— Так чего ты переживаешь? Она вас не дождетса и пойдет проверять.

— Когда это будет, а там Катя одна. Она упала, ревет небось... А вдруг она ударилась?

— Дин, подумала б ты лучше о себе. Ничего твоей Катьке не будет, она весит в два раза больше тебя. Скажи спасибо, что сдачи не дала, а то мало бы не показалось.

Я прислушиваюсь к голосу подруги, ее слова гипнотизируют уставший разум. Ира права, больше ничего плохого не случится, я могу расслабиться и отдохнуть.

— Кофе будешь? — она берет с полки над столом банку «Нескафе».— Я тебе на кофейной гуще погадаю.

— От растворимого?

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

— Твоя правда! — заглядывает в полку Ира. — Молотый еще на прошлой неделе закончился. Зато чайник обновим. Электрический купила.

— Не боишься в сломанную розетку включать?

— А что делать? Кто ж мне ее починит? Мужика в доме нет. Даже ножи заточить некому, пришлось в мастерскую нести.

— Ир, а может, и не надо мужика? — через силу улыбаюсь я. Лицо тут же перекашивается от боли.

— Твоя правда, не надо! Что мы от них хорошего видели? Мужики — одно название. Твой бьет, да хоть деньги в дом приносит, а от моих одни убытки. Вот он, мой мужик, — как бокал во время тоста поднимает она тройник и уверенным движением всовывает в розетку.

Искры с треском разлетаются по комнате. Ира вжимает голову в плечи и отпрыгивает от розетки с тройником в руках.

— Даже он, козел, подвел. А давай лучше по стопочке? Я тебе на картах таро погадаю. Вся правду узнаем. Когда мы с тобой мужиков путных найдем.

— Не хочу я больше мужиков. Хватит.

— Что теперь, всю жизнь одна будешь? Я вот себе с утра раскладывала. — Ира берет с полки над столом колоду неправдоподобно больших, перевязанных резинкой карт. — Выпал мне король кубков — червовый по-нашему. Человек честный, надежный, с высшим образованием. Это на будущее. А покрывает его — препятствие мое — королева мечей. Дама пиковая по-нашему.

— Мамочка, что ли?

— Ну! Говорю тебе, карты не врут. Вот,ними,— подталкивает Ира ко мне колоду длинными,akra-

шенными черным лаком, как у заправской ведьмы, ногтями.

Ее вражда с матерями потенциальных женихов началась еще двенадцать лет назад. В то время Ире, первой красавице интерната, было четырнадцать. На лето в детском доме оставались только те, у кого не было даже дальних родственников. Моя тетя полностью отказалась от меня уже через полгода после смерти родителей, а Ирина мама, законченная алкоголичка, не только забыла, от кого родила ребенка, но и о существовании самой Иры старалась не вспоминать. Несмотря на это, мы с Ирой с нетерпением ждали каникул. В это время в детском доме открывали санаторий. Благодаря местной природе и хвойному лесу, окружавшему интернат, сюда со всей страны съезжались ребята из обеспеченных семей. С приходом домашних детей наступал праздник. В столовой появлялись экзотические фрукты и овощи, на обед давали колбасу, а к чаю даже полагался десерт — шоколадка «Аленка». Кроме того, домашним часто привозили гостинцы, а они делились с нами, сиротами.

С одним из таких домашних мальчиков и подружилась Ира. Мама, навещавшая сына каждое воскресенье, была очарована милой и воспитанной сироткой настолько, что в конце смены пригласила ее погостить. Иру всем детдомом провожали на месяц, но она вернулась уже через неделю. Приглядевшись к отношениям сына с новой подружкой, мать заподозрила неладное и поспешила избавиться от развитой не по годам детдомовской красавицы. Ира горевала недолго. Спустя месяц она похвасталась подружкам, что скоро любимый снова ее заберет, и теперь не просто

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

погостить на каникулы, а насовсем. Когда разговоры дошли до воспитательниц, Иру действительно увезли, но не к любимому, а в больницу, на аборт.

С тех пор Ира так и ходит по кругу: мальчики взрослеют, матери стареют, а ситуация не меняется. Ухажеры липнут к Ире, как дрожжевое тесто к рукам. Большинство мужчин были настроены серьезно. Отношения длились годами, вместе строили планы на будущее, Ира мечтала о законном браке. Один потенциальный муж даже переехал к ней в общежитие. Позже выяснилось, что из дома его выгнала мама. Решила показать сыну настоящую жизнь. За полгода рая в общежитии он осознал свои ошибки, исправился и улетел обратно в мамино гнездышко, прихватив телевизор, который они купили в кредит на двоих.

— Можно мне в душ? Пожалуйста,— прошу я со стоном, попробовав на вкус распухшую, как будто чужую, губу.

— Иди! Дорогу не забыла?

— Не заблужусь,— через силу улыбаюсь и с трудом встаю со стула.

Через два шага оказываюсь в крохотной душевой. Когда Ире удалось устроиться работать на завод и выбить место в общежитии, да еще с отдельной кухонькой и санузелом, нашей радости не было предела. Ей, как и мне, полагалось бесплатное жилье, но мы обе, покинув детдом,— она раньше, а я двумя годами позже,— остались на улице. Оказалось, жилплощадь дают только тем, у кого нет ни родственников, ни наследства. Ире предложили вернуться в хибару к матери-алкоголичке, мне — в родительский дом, который тетка сдала цыганам. Крохотная малосемейка,

с лейкой и дырками в полу вместо душевой кабинки, была нашим общим раем, а ванну я впервые приняла только после свадьбы, в доме мужа.

Олег вообще многое для меня открыл. Например, до свадьбы я не знала, что мужья могут бить жен. Я надеялась распрощаться с рукоприкладством и казенным детством в один день. В детдоме нас постоянно били, но не просто так, а в наказание за провинность, поэтому сначала, вместо того чтобы уйти от мужа-тирана, я искала причины его агрессии. Он с удовольствием поддерживал мою неуверенность, придумывая поводы для расправы. Однажды он наказал меня за разбитую тарелку, обозвал безрукой и отлупил ремнем с железной пряжкой. За день до этого мы ездили на пикник, и кто-то из друзей назвал Олега моим прозвищем — Башмак. Тогда я не придавала этому значения, но теперь понимаю — назавтра муж отомстил мне за прилюдное унижение.

Чувство вины не покидало меня с первой брачной ночи. Олег ясно дал понять, что разочарован. Он ожидал от застенчивой новобрачной невинности и возмутился, когда ее не обнаружил. В тот момент я совершила главную ошибку — рассказала мужу о своем первом и единственном сексуальном опыте. Директор детского дома выделял меня среди других девочек. Можно сказать, я была его любимицей. Он часто сажал меня на колени, гладил по голове и приговаривал: «Доченька моя!» Однажды доченька заболела. Наш общий детдомовский папа пришел в бокс меня навестить. Присел на кровать и начал гладить, только голову на этот раз прикрыл подушкой. Боль можно было стерпеть, но страх задохнуться

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ СВОБОДЫ

перерос в панику. Чем сильнее я старалась скинуть подушку, тем больше заводился директор. После этого признания Олег без труда нащупал мое слабое место. С тех пор секс для меня стал ассоциироваться с болью, внимание — со страхом, а любовь — с унижением.

Муж каждый раз находил новые поводы для расправы, а я во всем винила себя, проклиная детдомовское детство, аварию, больную руку, которая не способна удержать посуду или раскатать тесто. Сейчас, стоя под душем, я с трудом намыливаю тело, но больше не презираю его за слабость. Олег научил меня многому. Теперь я сама научусь любить и уважать себя. Кажется, вместе с окровавленной одеждой я сняла груз забот, горячие струи смыли тяжесть прошедшего утра. Я укутываюсь в теплый махровый халат и наслаждаюсь исцеляющим уютом. Больше всего на свете хочется спать.

Захожу в комнату. Все кажется знакомым, но не моим, как будто я жила здесь не два, а сто два года назад. Посреди комнаты висит все та же советская люстра. Стоит нечаянно задеть ее рукой, и пластмассовые сосульки, помутневшие от времени, рассыплются по полу. Глазами ищущее раздвижное кресло, на котором раньше спала. От окна оно переехало в угол, за шкаф. Открываю дверцу. В нос ударяет сладкий аромат Ириных духов с нотками ванили, рука пробегает по стройному ряду вешалок с яркими и сверкающими нарядами. Когда-то в этом шкафу висело всего два платья, которые мы с Ирой носили по очереди. Оба сидели на подруге великолепно, а я в той же одежде казалась каланчой. С тех пор я не ношу платьев, пред-

почитаю им джинсы и безразмерные футболки, в которых меньше заметна моя худоба.

Раскладывать кресло совсем не хочется. Тяжело носить даже собственный вес, а стоит согнуться, как боль начинает выкручивать живот изнутри.

— Ира! — кричу я подруге. — Можно мне прилечь на диване?

— Конечно, — отзывается она из кухни. — Хочешь, я перестелю белье?

— Нет-нет!

С трудом добираюсь до дивана и залезаю под одеяло. Голова, тяжелая от мыслей, сама опускается на подушку. Что-то упирается мне в щеку. Борюсь со сном, я достаю коробочку. Презервативы. Значит, у Иры кто-то есть. Бедная, только наладила личную жизнь, как я свалилась ей на голову. Прости, Ира, но без тебя я не умею справляться со своими проблемами...

— Эй, Динка, просыпайся! — трясет меня за плечо Ира.

— Что случилось? Олег пришел?!

— Хуже! — шипит она мне в ухо. — Вставай, надо смываться.

— Смываться? Куда? Зачем?!

— Не кричи ты! Соседи услышат, ментов вызовут.

— Каких ментов? — трясую головой, стараясь отогнать сон. — Ир, о чем ты говоришь?

— Динка, не паникуй. Садись и слушай меня внимательно.

Я усаживаюсь на диване. Опускаю ноги на холодный пол и продолжаю в оцепенении смотреть на подругу.

— Только что приходили менты, тебя искали. Я сказала, что в последний раз видела тебя на про-

шлой неделе. Говорю: ее муж к подругам не пускает...

— Ира, объясни по-человечески, что случилось?

— Катьку убили!

ГЛАВА 2

НИКТО НЕ ЛЮБИТ МАЧЕХ

— Какую Катьку? При чем здесь я?

— Олегову Катьку, твою падчерицу.

— О Господи! — доходит до меня смысл ее слов. — Как? Где?!

— Дома. Сказали, черепно-мозговая травма.

— Это я виновата! Нельзя было оставлять ее дома одну. Господи, бедный ребенок...

— Вот и менты думают, что это ты.

— Надо пойти в полицию и все рассказать.

— Куда ты собралась, дурица? Кто тебе поверит?!

— Как кто?! Я расскажу правду!

— Какую правду? Расскажешь, как ударила Катьку, она упала, стукнулась головой, а ты сбежала и оставила ее умирать?

— Но это не так!

— Откуда ты знаешь? Может, именно так все и произошло? Кому нужно убивать пятилетнюю девочку? Она даже в садик не ходила, так что месть соседки по горшку за сломанную куклу исключается.

— Но я ее не убивала! Ты мне веришь?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Первый день моей свободы	3
<i>Глава 2.</i> Никто не любит мачех	25
<i>Глава 3.</i> И от слабостей бывает польза	54
<i>Глава 4.</i> Эксперимент	75
<i>Глава 5.</i> Обогнать неудачу	94
<i>Глава 6.</i> Ничего и кое-что	120
<i>Глава 7.</i> Я больше не хочу себя жалеть	142
<i>Глава 8.</i> Вместе мы сила	169
<i>Глава 9.</i> Овечка в шкуре волкодава	191
<i>Глава 10.</i> Враг или близкий человек	217
<i>Глава 11.</i> Только не отпускай меня	238
<i>Глава 12.</i> Засасывающая тьма	264
<i>Глава 13.</i> Судьба с чужого плеча	290
<i>Глава 14.</i> Небольшие затруднения	314